

Глава вторая

ПЕРИОД ОБУЧЕНИЯ МЕДИЦИНЕ

Надо стараться все делать хорошо:
плохо оно само получится.

Андрей Миронов

За период работы на стройке я почти полностью подзабыл математику, и потому нужно было выбирать нематематический вуз. Остановился я на медицинском, лечебном факультете, хотя особого призвания (оно появилось позднее) в то время не чувствовал. Поступил, хотя конкурс был немалым. Выяснилось, что многое нужно зубрить. На первом курсе много раз безуспешно сдавал зачет по остеологии (по костям), в которых каждый бугорок, каждая неровность, каждое отверстие, каждая выемка или бороздка имели свое название по латыни. Мы же тогда не понимали, что это места прикрепления конкретных мышц и связок, прохождения определенных сосудов и нервов, и потому нужно было именно зубрить. Наконец мне надоело, я забрал домой все мелкие косточки и мог потом описать каждую с закрытыми глазами. Примерно то же самое было с фармакологией, поскольку нужно было зубрить все препараты, виды их применения и дозы. А когда я окончил институт, некоторые из них уже не применялись, и мне было жаль затраченного времени. Вот если бы нас учили клинически мыслить и тому, какие группы препаратов (а не только их конкретные наименования) следует применять в том или ином случае, мы бы были лучше подготовлены к самостоятельной деятельности. Это нужно учитывать и при нынешнем обучении студентов-медиков. Медицина развивается, появляются новые возможности, технологии и препараты, но основные клинические постулаты меняются не так интенсивно. Мне нравилась латынь (я приобрел даже дополнительную литературу), и до сих пор помню много выражений и поговорок. Конечно, раньше не только латынь, но греческий и другие иностранные языки изучали по-настоящему в гимназиях, так, чтобы на них можно было читать, писать и изъясняться, о чем я мог судить на примере своей бабушки. На латинском языке знал множество пословиц, поговорок и выражений, которые мне помогали (в случае необходимости) проникать в рестораны и отели города. Идешь мимо швейцара и сыплешь поговорками: «*Gutta cavat lapidem, non vi sed saepe cadendo*» (некоторое видоизменение из «Послания с Понта» римского поэта Публия Овидия Назона), «*Morbi*

non eloquentia, sed remediis curantur (Авл Корнелий Цельс), Homo sum, humani nihil a me alienum puto (драматург Публий Теренций Афер), Non est medicina sine lingua latina и т.д. Помню броскую и справедливую надпись по латыни на нашем анатомическом театре: *Nic locus est, ubi mors gaudet succurrere vitae* (воспроизвожу по памяти), которая в переводе звучит красиво: «Это место, где смерть помогает жизни!».

Учился легко. Практиковались на трупах, препарировав их в соответствии с темой занятий. Проблемы возникли позже. Непросто все у меня складывалось на кафедре микробиологии. Заведовал кафедрой профессор С. Дьяченко, западенец, говорящий только на западно-украинском языке, который меня несколько раз вызывал к себе из-за пропусков и отработок, но я был занят. Зная отношение к себе, перед экзаменом я в библиотеке КПСС (аналог московской Ленинки) ознакомился с первоисточниками, но успел подготовиться только по половине материала. На экзамене я шел последним, и вся группа осталась ждать, ведь я мог получить от двойки до пятерки. А заведующий кафедрой, после того как я блестяще ответил на первые два вопроса и что-то промямлил по остальным, стал мне рассказывать, что недавно из Москвы он привез всего Хэмингуэя и спросил, что я читаю. Я ответил, что в последнее время читаю только микробиологию, на что он расхохотался и поставил четверку.

Но самые крупные проблемы возникли, как ни странно, с английским языком. Нужно было факультативно готовить к сдаче десятки тысяч знаков, и все нормальные студенты постепенно их сдавали. Я же решил сдать их сразу, в один присест. Ближе к экзаменам подготовился и сдал. Но преподаватель по фамилии Кроцевич (по прозвищу Мочеточник, с ужимкой и сморщенно-печеным лицом) заявил, что решил у меня принимать только по 5 тыс. И за оставшиеся до экзаменов дни принял у меня всего 35 тыс., половину из положенного. У нас на курсе был мастак по подделыванию подписей, и мне он сделал справку о зачете по английскому языку. К экзаменам меня допустили, но я из-за ежедневных поездок для сдачи тысяч не успел к ним как следует подготовиться. Открыл толстенный учебник по патологической физиологии и успел прочитать только названия глав. Вел группу у нас аспирант третьего года обучения. Он попросил группу прийти пораньше, ибо академик, принимающий экзамен, должен был куда-то уехать. Мы пришли, и нормальные студенты выбрали себе один из двух—трех экзаменационных билетов. Я же перебрал все и остановился на том, о чем я что-то когда-то и где-то слышал. Потом аспирант подходил к каждому, интересуясь, что из четырех вопросов неясно. Мне же он ответил на все четыре вопроса. Я добросовестно все записал. Прибыл академик, начал принимать, но все время поглядывал на часы. Потом попросил аспиранта помочь ему в приеме экзамена. Я быстро собрал свои записки и сел к аспиранту, повторив слово в слово его

слова, поскольку ничего другого вспомнить не мог. Он наклонился ко мне и предложил поставить четверку, но я не согласился. Академик, услышав это, заметил, что, по его мнению, студент отвечал неплохо, и предложил рассказать о каком-то приборе, стоящем в отдалении. Я его описал и получил пятерку. Понимая, что без этого предмета изучать дальше основы медицины и патологических процессов нельзя, записался в кружок и длительное время его посещал. В течение года мы изучали патологическую анатомию, которая мне не понравилась с первого взгляда, поскольку при входе на кафедру стоял в формалине препарат горла ребенка, из которого торчал клубок аскарид. К зимней сессии вызывает меня доцент Танцюра и предлагает вариант: она мне ставит полугодовой зачет, а я за это похожу и позанимаюсь на кафедре за пропущенные занятия в течение зимних каникул. Я сказал, что в этот период у меня соревнования. На что доцент спросила: «Комаров, почему у тебя ноги работают лучше головы?», а я ответил, что ногами не работаю. Предстояли соревнования по шахматам. Мне пропуски занятий простили. На экзамене в весеннюю сессию нужно было вначале, до взятия билета, описать препараты, где на предметном и покровном стекле находились срезы каких-то тканей с характерными заболеваниями и их стадиями, и это нужно было определить. Пришлось на консультации взять эти препараты домой и все подробно изучить, а на экзамене их заменить. А тут раскрылась история с зачетом по английскому. Это вынудило меня провести целую операцию по изъятию из личного дела справки о липовом зачете. Нет документа, нет дела. Но тысячи пришлось потом все же досдать.

Клиники Киевского мединститута, как и в других городах, были разбросаны по всему городу, поэтому при перемещениях приходилось кое-что перехватывать на ходу, например, пирожки. Кстати, одновременно с дневным институтом я окончил вечерние городские (бесплатные) трехгодичные курсы английского языка (по результатам собеседования меня взяли сразу на второй курс), а мой товарищ, Озар Минцер, — вечерний мехмат Киевского университета. В дальнейшем он работал у Н.М. Амосова, сейчас заведует в Киеве кафедрой медицинской кибернетики. На курсах английского языка нас обучали по классическому лондонскому лингафонному курсу, и когда спустя годы я попал впервые в Лондон, был поражен сохраненными традициями: видел те же самые телефонные будки, горбатые такси-кэбы, с тем чтобы там поместился пассажир, не снимая с головы цилиндра, и т.д. Хорошо запомнил на курсах маршрут от Оксфорд-стрит до Оксфорд-цирк, потом вниз по Риджент-стрит и Пикадилли и попадаем на Трафальгарскую площадь с памятником-колонной адмиралу Нельсону; я потом прошел по этому маршруту. Или помнил диалоги семьи Паркеров в разных местах (в театре, на теплоходе, в кино, на улицах, в гостях и т.д.), где жена была быстрой и острой на язык и все

время подтрунивала над мужем, а муж выглядел таким тюфяком, увальнем и слабо отбивал ее нападки. И вот они вышли из гостей, а на улице, как обычно, дождь, и она говорит: We shall be awfully late home if that number twelve bus does not come soon, то есть «Мы ужасно опоздаем домой, если вскоре не подойдет автобус № 12». Иду по Лондону и вижу: движется автобус № 12.

Стипендия была небольшой, и всю ее я приносил домой, а когда по каким-то причинам меня ее лишали, приходилось сдавать кровь за деньги. Из этих денег мы наскребали на посещение эстрады. Тогда это было время ансамбля «Дружба» с Э. Пьехой, В. Ободзинского («Эти глаза напротив»), Л. Мондрус («Карелия»), А. Ведищевой, М. Кристалинской, Э. Хилия, а также Лемешева, Козловского и многих других, которые по разным причинам постепенно исчезали с эстрады. А взамен Ю.В. Силантьев, главный дирижер оркестра радио и телевидения, продвигал Л. Лещенко, В. Толкунову и др. Мы также старались не пропускать вечера поэзии, где блистали Евтушенко, Ахмадулина, Вознесенский и Рождественский.

После второго курса института мы, трое студентов, в том числе Ю. Резник, один из лучших преферансистов Киева и в этом деле мой учитель, решили дней на 20 съездить к морю, в Одессу. наших остатков от студенческих денег едва хватило на два плацкартных места в один конец, а третий ехал нелегально, на самой верхней, багажной полке. Приехали, сняли комнату и приступили к работе. Я на пляже играл в шахматы и каждый день приносил в дом до 10 рублей, а Резник — в преферанс и приносил по 20–25 рублей. Мы его называли подпольным миллионером из-за штопаных плавок. Но все же мы были на пляже и купались в море. В задачи третьего входила закупка провизии и сдача пустых бутылок. Вот так жили и заработали на обратный проезд. В Одессе с ее достопримечательностями, колоритными рынками, Гамбринусом, Оперным театром, де Рибасом, Дюком де Ришелье, портом, Аркадией, Молдаванкой, фонтанными линиями, Ильичевском, удивительными и неповторимыми людьми, афоризмами и анекдотами потом довелось побывать не один раз. Скажем, прилетаю я в Одессу, сажусь в битком набитый автобус из аэропорта в город, а водитель в микрофон объявляет: «Граждане, кто хочет взять билет, поднимите руку». Все ясно, я в Одессе. Там на улицах говорят: я иду сюдою, а ты — тудою. Еду в такси и что-то рассказываю попутчику. Водитель поворачивается и говорит: «То, что вы рассказываете, в Одессе на толчке уже давно не ценится». В магазине беру конфеты. Продавщица спрашивает: «Вам с собой или в кулечек?» Июнь. Покосившийся облезлый киоск-ларек зеленого цвета, хочу купить черешню. Очередь. Впереди женщина взяла килограмм свежих, молочно-зеленых огурцов. Потом подумала и говорит, что у ее мужа завтра день

рождения, и попросила взвесить еще килограмм. Продавщица реагирует незамедлительно и, не задумываясь, на автомате: «Так, шо, у вашего мужа день рождения? Так шоб он был вам здоровым». На Привозе (такой колоритный рынок в Одессе) висит объявление: «Приехало свежее мясо из Киева». Из разговоров на улице: «Я вас уважаю, хотя уже забыл за что». И далее: «Вы шо, спешите скорее, чем я?», «Я готов послушать за вашу просьбу», «Мне таки стыдно ходить с вами по одной Одессе», «Клара, шо ты так сильно орешь среди улица?» Об этом, как и обо всей Одессе, можно рассказывать долго и много, а лучше всего — читать Бабеля, Кольцова, Е. Петрова, Жванецкого, слушать записанные рассказы Олеси, Утесова, Ильченко, Карцева и др.

По окончании института Ю. Резник в течение года поработал со мной в Черниговской области в качестве второго врача, а потом заболел маниакально депрессивным психозом (МДП), или циркулярным психозом (*psychosis circularis continua*), когда душевно-творческий подъем со стихами и бессонницей сменялся глубокой депрессией, и вернулся домой, в Киев.

Кроме того, летом я часто работал пионервожатым в лагерях, а однажды был в спортивном лагере нашего института в курортной зоне Конча-Заспа, выиграв там ряд соревнований по настольному теннису и в гонках на шлюпках.

Я, как и многие молодые люди в то время, увлекался джазом, мы слушали отечественные джаз-оркестры, часто называемые инструментальными ансамблями, Э. Рознера, А. Цфасмана, О. Лудстрема, В. Кнушевицкого, Ю. Саульского, Я. Скоморовского, Ф. Криша, Н. Минха, братьев Покрасс, Л. Утесова и др., а также глушившиеся радио Салоники и Нови-Сад. Но больше всего глушили тогда радио Свободы, Свободную Европу, Голос Америки и Би-би-си на русском языке. Так, слушая по ночам радио, мы познакомились с такими виртуозами, как Э. Фиджеральд, Л. Армстронг, Б. Гудман, Э. Пресли, оркестром Г. Миллера, Модерн джаз-квartetом, оперой Дж. Гершвина «Порги и Бесс», позже — битлами и др. Как раз в 1963 г. по приглашению Н. Хрущева в СССР приехал многочисленный джаз-оркестр Бенни Гудмана (было важно для Хрущева, который джаз терпеть не мог, что Гудман — выходец из простой рабочей семьи), который выступал и в Киеве, удивляя не только потрясающими исполнением и музыкой, но и свободным поведением музыкантов. Нравились мне произведения П. Чайковского, И. Стравинского («Картины языческой Руси», «Петрушка» и др.), Д. Шостаковича и других композиторов, а также исполнителей-виртуозов (Ойстрах, Коган, Ростропович, Клиберн, Рихтер и т.д.), знаменитые на весь мир симфонические оркестры (Филадельфийский, Бостонский и др.), мюзиклы, особенно красочные из ГДР. До сих пор в восторге от ежегодного новогоднего